

Анархистская рецепция философии Жака Деррида

Anarchist reception of Jacques Derrida's philosophy

Поляков Д.Б.

Канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», г. Санкт-Петербург
e-mail: poldmit89@mail.ru

Polyakov D.B.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St. Petersburg
e-mail: poldmit89@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой историко-философский обзор, а также сравнительный анализ ряда анархистских рецепций и интерпретаций теоретического подхода, разработанного французским мыслителем Жаком Деррида и получившего известность как деконструктивизм. С опорой на тексты таких исследователей и популяризаторов анархизма, как Сол Ньюман, Тодд Мэй и Нэйтан Джун, статья высвечивает точки пересечения философии Деррида и анархистской мысли. В частности, значительная часть статьи отведена феномену постанархизма, который представляет собой попытку теоретического синтеза идей анархизма и постструктурализма. В статье демонстрируется, как предпринятая Деррида деконструкция западной метафизики резонирует с некоторыми анархистскими установками, политическими и этическими, в результате чего становится продуктивным ресурсом для анализа и критики отношений господства и власти.

Ключевые слова: анархизм, постструктурализм, постанархизм, Деррида, деконструкция.

Abstract

The article presents a historical and philosophical overview, as well as a comparative analysis of several anarchist receptions and interpretations of the theoretical approach known as deconstructionism developed by the French thinker Jacques Derrida. Drawing on the writings of anarchist scholars and popularizers Saul Newman, Todd May, and Nathan June, the article highlights the intersections between Derrida's philosophy and anarchist thought. In particular, a significant part of the article is devoted to the phenomenon of postanarchism, which represents an attempt at a theoretical synthesis of the ideas of anarchism and poststructuralism. This article demonstrates how Derrida's deconstruction of Western metaphysics resonates with certain anarchist assumptions, both political and ethical, and thus becomes a productive resource for the analysis and critique of relations of domination and power.

Keywords: anarchism, poststructuralism, postanarchism, Derrida, deconstruction.

Введение

«Как и Маркс в своей теории идеологии, так и Деррида утверждал, что власть и иерархии *кроются позади* явных значений в тексте. Деконструкция представляла собой тогда разоблачение этих смысловых иерархий <...> эта свободная игра приобрела форму теоретического анархизма. Но анархизм и пользовался наибольшим спросом на французском рынке культурных достижений в конце 1960-х годов», – отмечает Мишель Ламонт в своем исследовании интеллектуального, институционального и других маршрутов легитимации идей Жака Деррида во Франции и США [11, с. 15–16]. Из всей плеяды мыслителей, которых традиционно относят к постструктуралистскому направлению, Деррида, пожалуй, менее всего ассоциируется с политической философией или, тем более, с каким-либо политическим движением. Безусловно, такие его поздние работы, как «Призраки Маркса», «Маркс и сыновья», «Сила закона» если и не политичны в строгом смысле слова, то, как минимум, политизированы. И все же имя Деррида, в первую очередь, ассоциируется скорее с проблематикой языка, письма и чтения, со специфической критикой/аналитикой литературных и философских текстов, чем с политикой. С другой стороны, если «внетекстовой реальности вообще не существует», как утверждал французский мыслитель [3, с. 313], то и политическая реальность неизбежно входит в орбиту той самой условной критики/аналитики, которая с подачи Деррида стала называться деконструкцией. Условной потому, что ни критикой, ни анализом, ни методом вообще, по его же собственным словам, она не является [4].

Исчерпывающего и точного ответа на вопрос о том, что же деконструкция собой представляет, сам Деррида не дает, однако, если верить все тому же Ламонту, речь идет о процедуре, нацеленной на то, чтобы «вскрыть подразумеваемые иерархии, содержащиеся в тексте, из-за которых мы приписываем реальности порядок и тем самым осуществляем репрессию, поскольку любая иерархия исключает, субординирует или утаивает различные возможные значения» [11, с. 10]. Рассеять иллюзию завершенности и однозначности текста, высказывания, слова; высветить подавляющий характер фиксированной Истины; «разобрать, разложить на части, расслоить структуры» [4, с. 55] – примерно такой и можно представить задачу деконструкции. Однако ее целью не является обнаружение некоего «подлинного» значения или смысла – это лишь восстановило бы и иерархию, и иллюзию завершенности, которая только и может возникнуть лишь путем подавления иных значений (потому Деррида и говорил о «силовом» характере иерархии в классической философской оппозиции, когда один из двух ее членов аксиологически либо логически главенствует над другим [5, с. 50]).

Таким образом, деконструкция «метафизики присутствия» – т.е. тождества, целостности, тотальности – в философском дискурсе оказывается бесконечным и принципиально не завершаемым текстологическим движением. Общая стратегия деконструкции, отмечал Деррида, «должна, наверное, пытаться избежать простой нейтрализации оппозиций метафизики и вместе с тем – простого укоренения в запертом пространстве ее оппозиций, согласия с ним», а затем оговаривался: «и почему мы еще называем *стратегической* операцией, которая отказывается в конечном счете подчиниться телео-эсхатологическому горизонту?» [5, с. 49, 85]. Эта оговорка, как мы увидим, имеет значение в контексте того типа политических философий, к которому, по мнению некоторых авторов, относятся анархизм и постструктурализм.

Деррида и постанархизм

Деррида, конечно же, не был анархистом в смысле принадлежности к соответствующему политическому движению или теории. Однако на рубеже XX–XXI вв. интерес к его работам с точки зрения извлечения из них ресурсов для критики власти нашел отражение в подходе, который был назван постанархизмом. Исходные задачи этого подхода можно вкратце сформулировать так – найти и зафиксировать общие интенции и мотивы между постструктуралистской мыслью и анархизмом, а также задействовать постструктуралистский теоретический инструментарий применительно к самому анархизму с целью, во-первых,

выявить проблематичные, потенциально авторитарные эффекты анархистского дискурса, а во-вторых, вооружить этот дискурс новыми инструментами анализа власти [12]. И хотя большее внимание в постанархизме уделяется скорее изысканиям М. Фуко и Ж. Делеза, «текстуальный анархизм» Деррида тоже нашел в нем свое место, прежде всего, благодаря своим атакам на логоцентризм западного философского дискурса. Несмотря на непричастность французского философа к политическому анархизму, «можно утверждать, что у Деррида есть свой собственный анархизм, если *анархизм* означает сомнение во всяком авторитете, включая текстуальный и философский, а также желание избежать ловушки воспроизводства авторитета и иерархии в самой попытке их критиковать», – считает ведущий представитель постанархизма С. Ньюман [17, с. 118].

Притязания философского дискурса на универсальность и завершенность сродни претензиям политических институтов и их дискурсов на установление единого нарратива о должном поведении и мышлении. Для Ньюмана, таким образом, деконструкция философских текстов неотделима от деконструкции власти: «обе эти “сферы” борьбы неразрывно связаны, поскольку политическая власть зависит от ее санкционирования различными текстами, такими как, например, тексты Гоббса, а также логоцентрическим дискурсом разума <...> Анархизм, следовательно, можно рассматривать как своего рода деконструктивное письмо, направленное на ниспровержение государства» [17, с. 134]. Так, Деррида становится поставщиком инструментов для критики господства и власти, взятых в их дискурсивном регистре, а анархизм как учение о безвластии прирастает новыми критическими приемами.

Ньюман отталкивается от дерридарианского разоблачения логоцентризма, который понимается, в первую очередь, как превосходство речи над письмом – превосходство, зафиксированное еще Платоном в диалоге «Федр». Сам по себе этот диалог парадоксален, поскольку для демонстрации привилегированного положения речи Платон вынужден использовать в качестве посредника именно письмо, т.е. то, что в логике античного мыслителя исключается непосредственной речью: «нельзя не заметить, – указывал Деррида, – что так называемая живая речь вдруг описывается посредством “метафоры”, позаимствованной у того порядка, который мы хотели из нее исключить, порядка неистинного подобия» [2, с. 188]. Речь оказывается зависимой от исключаемого ею письма, которое становится неизбежным, конституирующим дополнением к речи (или «восполнением», как это слово дано в русскоязычном переводе «О грамматологии»). Расширяя описанную «логику заражения», Ньюман говорит о не-тождественности чего бы то ни было самому себе, о невозможности чистой идентичности, т.е. такой идентичности, которая не была бы заражена тем, что ей же и угрожает.

Отсюда и проистекает подрыв всякой метафизики, касается ли она провозглашаемой «чистой» легитимности власти или же «чистого» революционного (конкретно, анархистского) субъекта, который этой власти сопротивляется в желании заменить насильственный авторитет государства авторитетом гуманистического принципа. При этом не стоит забывать, что деконструкция вообще и постанархистская деконструкция в частности не ставят своей целью перестановку или перевертывание элементов оппозиции во избежание ловушки воспроизводства силовой иерархии. «Не просто отменить всякую иерархию, – указывал Деррида, рассуждая о Ф. Ницше и М. Хайдеггере, – ведь ан-архия всегда лишь упрочивает существующий строй, метафизическую иерархию; не изменить или поменять местами термины определенной иерархии, но преобразовать саму структуру иерархии» [9, с. 134]. Согласно Ньюману, такое преобразование означает вытеснение обоих элементов иерархии таким образом, что рассеивается само привилегированное место или локус, который мог бы занять тот или иной элемент бинарной оппозиции. В классическом анархистском дискурсе, который формировался в гуманистической парадигме западного Просвещения, Ньюман как раз и усматривает эту привязку к авторитарной бинарной логике «или-или». Обращение же к работам Деррида позволяет ему наметить своеобразные траектории выхода из этой логики «иерархии» в сторону антиавторитарного мышления.

Так, в «Полях философии» французский мыслитель описывает две стратегии в отношении «территории»: во-первых, «испробовать выход и деконструкцию, не меняя территории, повторяя неявное содержание основополагающих понятий и исходной проблематики <...> Риск здесь состоит в утверждении, в закреплении или беспрестанном снятии на все более надежной глубине именно того, что намереваются деконструировать»; во-вторых, «решиться на смену территории, посредством разрыва и вторжения, с силой закрепляясь вовне и утверждая абсолютные разрыв и различие. Не говоря уже о всех остальных формах перспективных обманок, которым подвержено такое смещение <...> простая практика языка постоянно переустанавливает “новую” территорию на наиболее древнюю почву» [6, с. 166–167]. Обе стратегии, взятые по отдельности, как видим, чреватны интенсификацией иерархической логики в самом стремлении ее обрушить: в первом случае через использование ее языка (на что, кстати, обращал внимание еще классик анархизма П.А. Кропоткин, писавший о том, что «весь наш склад политического мышления и самый политический язык были выработаны правящими сословиями в их собственном интересе» [10, с. 58]), во втором – через стремление к абсолютному разрыву с господствующей парадигмой, сопровождаемому фрагментацией субъекта, т.е. того, кто в принципе мог бы артикулировать сопротивление. Пространство власти, ее институты и дискурс переутверждают себя в каждом из этих случаев, поэтому оптимальной для Ньюмана (как, впрочем, и для Деррида) представляется комбинация обеих стратегий, при которой категория субъекта сопротивления не отбрасывается, но трансформируется в нечто децентрированное и не привязанное к дискурсивно сфабрикованной, фиксированной, а потому и управляемой сущности. По сути, комбинация из двух указанных стратегий, движение от одной к другой стирает собственно стратегический момент, в результате чего остается исключительно *тактика* ускользания от «иерархии», лишенная «телео-эсхатологического горизонта». К теме тактического характера анархизма мы впоследствии еще вернемся.

В указанной осцилляции между сопротивлением изнутри и извне господствующего дискурса важным концептом, дополняющим работу деконструкции, становится «différance» – различие или различание, которое представляет собой «подвижное рассогласование различных сил и различий сил», такое движение и реконфигурацию различий, которое «ничем не управляет, нигде не царствует, не отправляет никакой иной власти» [6, с. 41, 44]. В расшифровке Ньюмана мышление, оперирующее таким способом, блокирует возможность установления тождественных и фиксированных категорий, замыкающих мысль – в том числе политическую – в непроницаемых эссенциалистских идеологемах, явно и потенциально репрессивных по отношению к любой инаковости. При этом «différance» не лишен своеобразной структуры, точнее, инфраструктуры. Ньюман описывает ее как «модель, которая своим собственным структурным отсутствием пространства [власти] и сущности подрывает изнутри различные структуры текстуального авторитета. В ее центре есть отсутствие, недостаток. Она “управляется” принципом неразрешимости: она не утверждает идентичность или не-идентичность, но пребывает в состоянии *неразрешимости* между ними. Инфраструктура есть способ теоретизировать различие – различие или ряд различий, которые делают формирование стабильных, единообразных идентичностей в философии невозможным» [17, с. 124]. Стоит добавить, что деконструкция и *différance* – это не только эпистемологический, но и этический жест, постулирующий ответственность перед исключенным другим. Кроме того, деконструктивная этика Деррида вскрывает парадокс в притязаниях морали на универсальность: если мораль становится *абсолютным* дискурсом, то может ли она вообще считаться моралью и иметь отношение к этике? Эта дилемма крайне актуальна применительно к анархизму, движущей силой которого всегда была и остается именно этика.

Наконец, собственно политическое измерение философии Деррида и потенциал для анархистской критики государства Ньюман извлекает из текста «Сила закона. Мистические основания авторитета». Лейтмотивом этой работы можно считать обнаружение насилия и

беззакония, лежащих в основании любого закона и права и учреждающих их. Институциональное право в корне своем нелегитимно, поскольку легитимность устанавливается лишь им самим, т.е. произвольно. В этом анализе Ньоман видит ценный ресурс для артикуляции анархистского сопротивления институциональной власти и разоблачения ее претензий на некий моральный авторитет. Однако прежде анархизму следует пересмотреть доставшуюся в наследство от эпохи Просвещения оппозиционную иерархическую логику, в которой искусственный закон государства должен быть заменен неким естественным законом эгалитарного общежития, поскольку этот последний оказывается сконструирован на противопоставлении первому, а значит, «заражен» им, сопровождается им подобно тому, как у Платона письмо дополняет речь, хотя и вытесняется ею.

Важным для Ньомана оказывается и проводимое Деррида разграничение закона и справедливости, находящихся друг к другу в отношениях несходства. Справедливость есть такая открытость своеобразию и уникальности, которую закон не может допустить, не перестав быть при этом законом. Вместе с тем, справедливость у Деррида не уничтожает закон раз и навсегда, но нацелена на его непрерывную реинтерпретацию: «Для решения быть справедливым и ответственным, следует <...> быть под контролем и вне контроля: нужно сохранять закон, но также и разрушать его или прерывать его так, чтобы переизобретать в каждом случае, переосновывать его» [13, с. 23]. В отличие от априорного дискурса закона справедливость не предопределена, ее последствия и эффекты непредсказуемы вследствие ее несводимости к политическим институтам, и именно по этой причине справедливость открывает возможность для трансформации как закона, так и политики в целом. Свою постанархистскую задачу Ньоман формулирует схожим образом, говоря о трансформации политики сопротивления, которая, однако, «не является абсолютным разрушением, а скорее перестройкой политического и юридического дискурса таким способом, который разоблачает отсутствие их легитимных оснований, тем самым оставляя их открытыми для непрерывной и непредсказуемой реинтерпретации» [17, с. 128-129]. А именно это, добавим мы, и подразумевает деконструкция.

Тодд Мэй и Нэйтан Джун

К постанархизму имеет непосредственное отношение и американский философ Т. Мэй. Более того, наряду с Ньоманом его можно считать одним из основателей этой интеллектуальной вариации анархизма, хотя сам он и дистанцируется от этого ярлыка, считая его излишним. В рамках настоящей статьи мы обратимся к его небольшой работе 2017 г., а не к базовой монографии о постструктуралистском анархизме 1994 г. [16], в которой идеи Деррида не рассматриваются, но из которой автор переносит и кратко пересказывает свое видение типов политической философии.

Именно Мэй описывает анархизм как тактическую политическую философию из-за его (анархизма) восприимчивости к множественным разновидностям господства и власти, не редуцируемых к некоему стержню или центральной точке, устранив которую всякая насильственная иерархия по инерции отомрет. Стратегические же философии, к которым Мэй относит главным образом марксизм, рассматривают социально-политические проблемы в качестве укорененных в том или ином истоке, имеющем первостепенное значение для преобразования – например, в производственных отношениях. Именно микрополитическая чувствительность к разнообразным механизмам господства, равно как и способам сопротивления, становится у Мэя точкой пересечения анархизма и постструктурализма. И хотя Деррида, по его мнению, стоит несколько особняком от линии мысли Фуко и Делеза из-за апелляции к некоей макроструктуре (западная метафизика), деконструкция, безусловно, имеет радикальные политические последствия.

Так, в контексте подсвеченного деконструкцией парадокса исключения, когда то, что исключается оказывается конституирующим дополнением к тому, чем оно исключается, Мэй вслед за Деррида указывает на апоретический характер феномена иммиграции для западных

стран и культур, выводя из этого сложную и фактически неразрешимую проблему гостеприимства – проблему, неизбежно заряженную политически. Кроме того, мотивы Нового Интернационала и Грядущей демократии, которые возникают у Деррида в текстах «Призраки Маркса» [7] и «Разбойники» [8] соответственно, имеют отчетливо политический, даже радикально политический окрас и от того перекликаются с некоторыми установками анархизма (при том, что сам Деррида, конечно, не выступал за революционное свержение государства).

Свой краткий анализ Мэй завершает вопросом о том, каким образом деконструктивизм мог бы стать практикой. В силу самого характера деконструкции ответ, разумеется, никак не связан с проектами построения неких более справедливых и эффективных политических институтов. Как и для Ньюмана, у Мэя деконструкция если и предстает практикой, то совершенно иного рода: «Это скорее *стиль* практики, самокритичный стиль, который нацелен на продолжение критической работы таких людей, как Маркс (и анархисты), признавая при этом как необходимость, так и конечную невозможность реализации отдельных видений справедливого или демократического общества» [15, с. 336]. И, пожалуй, именно эта невозможность реализации некоего абсолютного тождества/присутствия в виде идеального общества парадоксальным образом стимулирует работу анархистского мышления, не принимающего никакой завершенности.

Исследователь анархизма Н. Джун в объемной статье, посвященной выявлению связей между анархизмом и философией Делеза и Деррида, отталкивается от предложенной Мэем классификации политических философий и указывает на тактический характер деконструкции. Как и Ньюман, Джун начинает с расшифровки задач Деррида по вытеснению репрессивного логоцентризма и подрыва метафизики присутствия, переходя к политическим эффектам этой процедуры, ведь поскольку бинарные оппозиции всегда только и познаются в качестве силовых, властных отношений, постольку они не являются лишь языковыми явлениями, поддающимися анализу независимо от политических стратегий и институтов. Тактическая политическая практика деконструкции, какой она видится Джуну, заключается, опять же, не в замене одних господствующих институтов и дискурсов на противоположные, но в технике проблематизации эпистемологических оснований и процессов, на которых зиждется всякая власть. Одним из таких оснований является идея репрезентации, т.е. представительства.

В политическом отношении репрезентация следует логике исключения и подавления тех, чьи интересы представляет некто, наделенный соответствующим именем/статусом/регалией/означающим. «Этот процесс, – пишет Джун, ссылаясь на Деррида, – неизбежно подразумевает отведение некоторым референтам («именам») привилегий как изначальным, как самим источникам или основам мышления, идентификацию их как “абсолютно центральных форм[ы] Бытия”, а также допущение, что они транспарентно “присутствуют” в языке и являются его составной частью. Деконструкция демонстрирует, что акт репрезентации всегда и уже порождается посредством предшествующего (и в конечном счете лишённого оснований) процесса текстуализации, который всегда и уже является политическим» [14, с. 145]. Напоминая о том, что деконструкция высвечивает потенциально авторитарные импульсы и в революционных дискурсах, чреватых лишь переутверждением на новый лад бинарной силовой структуры, Джун вычитывает у Деррида критику западного колониализма и расизма, закамуфлированных под метафизику.

Поскольку регистр тактического философствования настроен на высвечивание множества локусов власти и угнетения, а не на сведение их всех к единому источнику, то закономерно, что деконструкция (о чем уже упоминалось) лишена и целеполагающих притязаний. Она оспаривает телеологические или утопические дискурсы как фундамент для практики как неизбежно воспроизводящие те структуры, которым они поверхностно противостоят. Именно в этом аспекте Джун связывает идеи Деррида с анархизмом: «Свобода – это не столько цель, сколько практика или процесс, присущий борьбе с несвободой. Анархизм возникает как условие возможности участия в этой открытой и свободно

протекающей “практике свободы”, которая не достигает и не должна достигать кульминации в утопическом “конце истории”». И далее: «Деконструктивная философия <...> стремится избежать замыкания, схватывания и структуризации; она стремится открывать, а не исключать возможности, освобождать, а не прерывать потоки и движения, которые производят жизнь. В этом смысле ее по праву можно назвать анархизмом» [14, с. 147–148, 150].

Заключение

Таким образом, рассмотренные в статье авторы солидарны в позитивном отношении к деконструкции из-за ее восприимчивости к дискурсивным, а не только институциональным манифестациям господства и власти. Отличием же можно назвать ту степень или, точнее, тот характер политико-практической реализации, которым каждый из них наделяет подход Деррида. Специфическое понимание политической практики как (в числе прочего) *текстуального* пространства борьбы обнаруживается у каждого автора, однако с разной интенсивностью. Так, наиболее политически ангажированным, «философом радикального освобождения» Деррида предстает у Джуна, который неспроста предваряет свою статью панорамой мятежных 60-х гг. XX в. во Франции, интеллектуальным отражением которых и стал постструктурализм. У Ньюмана и Мэя деконструкция представляет собой скорее извлекаемый из трудов Деррида инструмент теоретизирования и «стиль практики», который понимается как анархистская критика господства и власти.

Наследие Деррида остается крайне противоречивым и спорным, но в силу этого и вдохновляющим философским пространством для непрерывной реактуализации уже написанного, прочитанного или сказанного. Как мы увидели, анархичность деконструкции, не подразумевающей ни истока (архэ), ни финала (телос), более того, подрывающей подобные категории, сопрягается с философскими мотивами анархизма как такового. При этом, взятый анархизмом как инструмент, деконструктивистский жест направлен не только вовне, в сторону господствующих политических институтов и дискурсов, но и на сам анархистский дискурс. В сущности, это и есть попытка такого рода интерпретации, перформативный характер которой, согласно Деррида, подразумевает трансформацию объекта этой интерпретации, т.е. самого анархизма. Среди рассмотренных авторов, пожалуй, лишь у Ньюмана этот момент считается наиболее очевидным, хоть и негативным образом, когда при помощи деконструкции проясняется невозможность «чистого», не зараженного властью революционного субъекта. Но означает ли это для анархизма отказ от традиции, которая складывалась среди прочего на идее такого субъекта?

По словам Н.С. Автономовой, «деконструкция, которая выступает против иллюзии полного овладения смыслом, против фантазма абсолютного знания, мыслится в конечном счете не как забвение о традиции, но скорее как воспоминание о том, что в традиции было забыто» [1, с. 54]. Это замечание довольно любопытным образом согласуется с одной из задач постанархизма в том виде, как ее сформулировал, например, Д. Руссель: «переписывать и перечитывать прошлое, выявлять то, что было утеряно по дороге, а также высвечивать то, что так долго прочитывали / писали неправильно» [18, с. 137]. Другими словами, деконструкция подразумевает и *реконструкцию*, а следом за ней упомянутую чуть выше реактуализацию. А потому для анархизма, который нередко воспринимается как феномен давнего и неактуального прошлого, наследие Деррида (не только деконструкция, но и этика) становится плодотворным и *тактически* значимым ресурсом для (ре)генерации эмансипационных смыслов и ценностей в лихорадочно изменяющемся мире.

Литература

1. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 510 с.
2. Деррида Ж. Диссеминация / Ж. Деррида; пер. с франц. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 608 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
4. Деррида Ж. Письмо к японскому другу / Ж. Деррида; пер. с фр. А.В. Гараджи // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53–57.
5. Деррида Ж. Позиции / Ж. Деррида; пер. с фр. В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2007. – 160 с.
6. Деррида Ж. Поля философии / Ж. Деррида; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
7. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Logos-altera, издательство «Ессе homo», 2006. – 256 с.
8. Деррида Ж. Разбойники / Ж. Деррида; пер. с фр. Д. Калугина под ред. А. Магуна // Новое литературное обозрение. – 2005. – №2 (72). – С. 31–60.
9. Деррида Ж. Шпоры: Стили Ницше / Ж. Деррида; пер. с фр. А.В. Гараджи // Философские науки. – 1991. – №2. – С. 116–142.
10. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика / П. А. Кропоткин. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 386 с.
11. Ламонт М. Как стать самым важным французским философом: случай Деррида / М. Ламонт; пер. с англ. А. Маркова // Логос. – 2009. – №4-5. – С. 3–42.
12. Поляков Д.Б. Постанархизм между политической и философской анархией / Д.Б. Поляков // Манускрипт. – 2025 – Т. 18, Выпуск 2. – С. 551–559.
13. Derrida J. Force of law. The Mystical Foundation of Authority / J. Derrida // Deconstruction and the Possibility of Justice. – New York: Routledge, 1992. – 3–67 pp.
14. Jun N.J. Deleuze, Derrida, and anarchism / N.J. Jun // Anarchist Studies. – XV (ii). – 2007. – 132–156 pp.
15. May T. Anarchism and Poststructuralism / T. May // Brill's Companion to Anarchism and Philosophy. – 2017. – 318–340 pp.
16. May T. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism / T. May. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. – 165 p.
17. Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power / S. Newman. – Maryland, MD: Lexington Books, 2001. – 197 p.
18. Rousselle D. After Post-Anarchism / D. Rousselle. – Berkeley, CA: Creative Commons, LBC Books, 2012. – 288 p.